

«НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПЕСТРОТА» НАРОДА В «УРАЛЬСКИХ РАССКАЗАХ» Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

«Уральские рассказы» Д. Н. Мамина-Сибиряка в большей степени, чем какие бы то ни было другие его произведения, позволяют зримо представить мир уральца второй половины XIX в., особенности его жизни и судьбы. Основная тематическая направленность маминских рассказов – отражение деятельности тружеников Урала, реалистическое представление тех процессов, которые составляли суть уральского жизнеобеспечения в конце XIX в.

В рассказах с точностью историка представлена «необыкновенная пестрота» народа, собравшегося на богатейших просторах старого Урала, особенно на его бесчисленных приисках; по свидетельству автора, состав уральских тружеников был чрезвычайно неоднороден и разнолик. Каждый из прибывших явился сюда в надежде получить хоть малую толику тех огромных богатств, которые хранил суровый Урал.

Главное впечатление производила необыкновенная пестрота народа. И кого-кого только не было на приiske: мастеровые с горных заводов; староверы из глухих лесных деревень по реке Чусовой; случайные гости на приiske – вороняки. То есть переселенцы из Воронежской губернии, которые попадали сюда, чтобы заработать себе необходимые деньги на далекий путь в Томскую губернию; несколько десятков башкир, вогулы и та специально приисковая рвань, которую вы встретите на каждом приiske, на всем пространстве Урала до Великого океана¹ («Золотуха»).

В рассказе «Бойцы» дается подобное же описание, свидетельствующее о многоликости «бурлацкого люда», собравшегося весной на сплавные работы:

...инородцы, которых на каждый сплав собирается из разных мест Урала иногда несколько сот. Были тут башкиры из Уфимской губернии, пермяки из Чердынского уезда, вогулы из Верхотурского, зыряне из Вогодской губернии, татары из Кунгурского уезда и из-под Лаишев. Какая сила выбила этих людей из дремучих лесов и привольных степей и выкинула сюда, на берег горной речки? Ответ был, конечно, один: нужда, которая в лесу и степи еще страшнее и беспощаднее, чем по городам и села.

На каждом из них лежала печать, свидетельствующая об их нелегкой доле в поисках куска хлеба для своей многочисленной голодной семьи: *«И в фигуре, и в движениях, и в выражении лица – сказывался человек, который в поте лица снискивал свой хлеб» («В худых душах»).*

Представляя разнообразные виды труда уральца, автор не менее достоверно и убедительно рисует особенности быта, взаимоотношения, складывающиеся между людьми разной социальной принадлежности, разной национальности, воспроизводит также внутрисемейные связи. Перед глазами читателя возникают правдивые сцены труда приисковых рабочих, сплавщи-

¹ Курсивом везде выделено текстовое цитирование. Цит. по кн.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Соч.: В 2 т. Свердловск, 1983.

ков; полны сочувствия и сострадания картины, представляющие труд фабричных и заводских рабочих. Страницы рассказов являются наглядным свидетельством кабальных условий труда на Урале в пореформенную эпоху.

Один из героев рассказа «Родительская кровь» с гневом восклицает: *«Понастроили дворцов своим любовницам, а мы сохнем для него здесь на работе»*. Автор с сочувствием отмечает, что результат подобного непосильного труда отнюдь не утешителен. *«Вот человек работал, выбивался из сил, а под старость все-таки пошел по миру»*, — чрезвычайно созвучная современному дню мысль, которая пронизывает все произведения писателя.

Показывая многообразие видов деятельности уральского труженика, писатель с профессиональной точностью описывает труд **сплавщиков**, которые, как замечает автор, чаще всего являлись людьми *«деревни, занатыми за сотни верст на сплав горькой, неотступной нуждой»*. Авторское повествование позволяет судить о последствиях этого неимоверно тяжелого труда, который требует *«хладнокровия, выдержки, смелости как самых необходимых качеств для сплавщика»*. Писатель подчеркивает, с каким риском и жертвами зачастую связана работа сплавщиков, где на каждом шагу их ожидает опасность. *«У одного ногу отдавило поносным, третий корчится и ползает от застаревших ревматизмов»*, — с чувством горечи и сострадания пишет он в рассказе «Бойцы». Естественно, подобный труд требовал сильных и смелых людей, и автор с любованием и гордостью представляет истинно русских богатырей: *«Федька работал за двоих, а сплавщик любовно смотрел на него, когда он срывал поносное, как перышко»*. В этом же рассказе повествователь с искренним уважением отмечает не только недюжинную силу рук, но и удивительную прозорливость сплавщиков: *«Я любовался Савоськой, которому достаточно было окинуть глазом эту пятидесятиголовую толпу, чтобы сразу определить, кто чего стоит. В этом мужике было что-то совершенно особенное, начиная с того, что он держал себя с тем неуловимо тонким тактом, с которым держат себя только настоящие умственные мужики»*.

С не меньшей подробностью и глубоким уважением представляет Мамин-Сибиряк и труд **приисковых** рабочих, порой до мелочей давая описание технологии и условий работы на приисках.

Старик осторожно повел щеткой вверх по дну площадки и взмутил воду: струя подхватила часть черного песочка и унесла с площадки («Золотуха»)

Промывка песка совершалась очень просто. Старик погружал ковш с песком в воду и там мешал («В горах»).

Страница за страницей воспроизводя картины тяжелейшего труда приисковых рабочих, автор подчеркивает, что «работа на промыслах была самая проклятухая»: *«Сколько зла, несправедливости несет с собой человек всюду, и под каждой вырытой крупинкой золота сколько кроется глухих страданий и напрасных слёз»* («Золотуха»).

Изображение того, как «совершалась тяжелая огненная работа» **фабричными** и **заводскими** рабочими, тоже далеко не утешительна. Автор дает физически ощутимые и зримые картины подобных «огненных работ»:

Скоро в глубине показался яркий свет, который быстро приближался: это оказалась рельсовая болванка. Нагнувшийся рабочий быстро катил высокую железную тележку, на платформах которой лежал раскалённый кусок железа, который осветил всю фабрику железным светом; другой рабочий поднял около нас какой-то шест. Самый крепкий человек изработывается в 15 лет на огненной работе (*«Сестры»*).

Однако плата за столь тяжелый и адский труд совершенно ничтожная: *«Мужик за спасибо три года работал»* (*«В горах»*). Та же судьба у приисковых рабочих: *«А старатель-то всей семьей робит-робит, колотится-колотится, а принес сдавать золото — на получай рупь восемь гривен за золотник»* (*«Золотуха»*); *«Вот человек работал, выбивался из сил, а под старость все-таки пошел по миру»* (*«В болоте»*).

В рассказах также значительное место уделено **лесному** и **рыбному** промыслам, тем видам деятельности, которые сохранились на Урале с древнейших времен, когда Батюшка Урал хранил в себе запасы не только драгоценных камней, но и несметные богатства «разной живности». ЗВЕРОВАТЬ, ЗАЛЮБОВАТЬ, ЯСАЧИТЬ, ходить на зверя — та лексика, которая помогает формировать картины труда, связанные с занятиями лесным промыслом.

Мамин-Сибиряк рисует целую галерею Вахрушек, Савосек, Шапкиных, Елесок, которые не мыслят жизни вне леса, где они преобразаются, чувствуя себя на лесных тропах, как в родной стихии. Не было такой тропки, лесной ложбинки, где бы не ступали их ноги, они знали в лесу каждый кустик, каждое деревце, как, например, Савка из рассказа «На шихане», что *«отлично знал места на сто верст кругом и мог жить безбедно, промышляя лесованием»*, или Шапкин из рассказа «Гроза», который *«страшный охотник был — хлебом не корми, а только в лес пусти»*.

Отец промышлял охотой, и Елеска с ним еще мальчиком прошел всю Колву, били они рябчика и белку, и куницу, и оленя, и медведя — что попадет (*«Зимовье на Студеной»*).

До Кумыша чусовское население можно назвать горнозаводским, за исключением некоторых деревень, где промышляют звериной охотой или рыбным промыслом (*«Золотуха»*).

Читатель испытывает чувство глубокого уважения к героям, способным выходить один на один с хищным лесным обитателем благодаря своей недюжинной силе и выносливости.

Одних медведей столько поднял на рогатину, а больше всего любил зимой на лося ходить (*«Гроза»*).

Он [Савка] в свободное от заводской работы время промышлял зверованием. На своем веку залобовал за сорок медведей (*«На шихане»*).

На страницах маминских рассказов множество примеров, свидетельствующих о **высоких духовных качествах уральца**, проявлении «дейтельного добра» людьми разных сословий, званий, разного культурного и социального уровня.

Дядя Листар хотя и пьянствовал большую половину года, но все-таки помогал в такую пору, как деревенская страда (*«Ленные»*).

Желание помочь рождается и у бездомных бродяг, хотя сами они постоянно испытывают нужду, потребность в поддержке, как никто другой нуж-

даются в людской помощи. Хотя забота «летнего»² о такой же бездомной бродяжке Дуньке, совершенно чужой ему, вела к трагической развязке, это не останавливало Ивана Несчастную Жизнь в желании помочь всеми забытой и несчастной женщине:

Иван по-прежнему ухаживал за больной, хотя чувствовал что-то неладное. Бродяга перекрестился и бережно прикрыл Дуньку своей серьмгой («Летные»).

Как отмечает автор в рассказе «Башка», *«потерянные люди отличались большой тонкостью чувства и особенной психологической чуткостью»*. Поэтому-то так заботливо ухаживает, казалось бы, утративший всякие благородные чувства по отношению к женщине герой одноименного рассказа Башка за бывшей «октрысой» Фигурой во время ее болезни.

Глядя на Фигуру, никто бы не поверил, что это отекавшее лицо с воспаленными и слезившимися глазами, с распухшим носом могло быть когда-нибудь красиво. Он [Башка] сначала ненавидел Фигуру, потом помирился с ней, а теперь ухаживал за ней, как за ребенком, то есть ухаживал опять по-своему, по-бурсацки. Башка обкладывал ее компрессом, измерял температуру, подавал лекарство. Он работал неумело и, кроме того, ухаживал за Медальоном, которого полюбил с первого взгляда («Башка»).

Д. Н. Мамин-Сибиряк одним из первых создает типы «босяков», подобных Актеру и Барону из будущей пьесы М. Горького «На дне».

В рассказах писателя мы также видим заботу о нищих, бродягах, о людях, «выброшенных на обочину жизни». «Радение» о нищих, бродяжках, обездоленных истары считалось святым делом. Помогая несчастному, человек тем самым способствовал отпущению собственных грехов, оберегая себя от нечаянной напасти. Эта мысль достаточно отчетливо звучит во многих рассказах.

Мы им, грешные, подаем хлебушка, несчастненьким («В худых душах»).

Никто пальцем не пошевелит бродяжку настоящего, а еще кусочек хлеба подаст («Летные»).

Иногда к этому снисходили господа, надеясь на Божье соблаговоление.

...налево был подъезд со стеклянным фонарем: в этом фонаре, защищенном от ветра и снега, стояла сама Анфиса Парфеновна в лисьей шубе и степенно давала каждому пай милостыни («Башка»).

Желание оказать услугу, содействие «ближнему во искупление грехов своих» было не чуждо избалованным, холеным и изнеженным «барынькам».

В рассказах видим множество примеров уральского хлебосольства, гостеприимства, широты натуры. Глагольная лексика НАКРЫТЬ, ПОДАТЬ, НАКОРМИТЬ, ПОДЧЕВАТЬ, УГОЩАТЬ подчеркивает эти достаточно характерные черты уральца.

Старик всех принимал с распростертыми объятьями, потому что любил угостить («Из уральской старины»).

Старик Черепанов полюбил тамбовского мужика и каждый раз угощал его чаем или квасом («Перекаати-поле»).

² Летными на Урале называют бродяг (прим. Д. Н. Мамин-Сибиряка).

В зажиточных семьях, в богатых домах, конечно, подавали не только чай с квасом.

Лакеи в белых перчатках подавали одно кушанье за другим: на первом плане, конечно, была рыба – семга, разнообразная и во всех формах, уха из живых хариусов, пудовый осетр, сваренный целиком, пельмени с розовым нежным мясом и еще целый ряд рыб («В горах»).

Представляя людей из простого сословия, подчеркивая их гостеприимство, автор вместе с тем оттеняет их деликатность, застенчивость: *«Напоил, накормил, а спросить по делу не смел» («Говорок»).*

Страницы маминских рассказов раскрывают неисчерпаемые и самые замысловатые гастрономические таинства. Автор с мельчайшими подробностями описывает разнообразные процессы приготовления пищи, обнаруживая секреты неведомого ныне кулинарного искусства.

Захарка улыбулась и, не торопясь, принялась завертывать куликов в широкие листья какой-то травы («В болоте»).

Убитых дупелей Сарафанов как-то искусно завернул в широкие листья болотной травы («Все мы хлеб едим»).

Приготовленные в лесу, на костре, эти «мудреные яства», приобретали наибольшую ценность. А те, кто их готовил с особым «тщанием», считался настоящим чародеем кулинарного таинства.

Щепкин ошпал дичь, рябчиков, не вытrophив, завернул в широкие листья какой-то травы и в этом виде закопал в горячую золу. Уж очень Асаф Асафыч любил, чтобы этих рябчиков земляничкой начинали («Гроза»).

«Завернуть в широкие листья какой-то травы» и каким-либо образом запечь – это, видимо, один из излюбленных, эффективных и испробованных способов. Автор упоминает этот прием приготовления в природных условиях во многих своих рассказах.

На страницах рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка немало картин, свидетельствующих о том, с каким **трепетным чувством** относятся уральцы к своим **детям**. И немущие, «измотыженные» трудом люди, и богатые, алчные, одержимые страстью к наживе «столпы» общества – все они объединены особым чувством любви к детям. В рассказах «Отрава», «Гроза», «Летные», «Паучки» и многих других немало примеров, дающих основание сделать подобный вывод. Хотя любовь к детям у представителей разных сословий проявляется по-разному. В то же время можно увидеть ряд «печальных картин», когда нужда заставляла детей работать наравне со взрослыми на самых сложных и «огненных» участках, когда на худенькие детские плечи взваливалась ноша, которая не всегда была по плечу взрослому.

Прошка колотился вместе со взрослыми и в общем горе забывал про все («Кормилец»).

Раз, например, Пимка накладывал в телегу навоз, что было совсем не под силу его детским рукам; Иван взялся за лопату и хотел ему помочь («Летные»).

Встать в пять часов утра, идти из теплой комнаты, выносить поило корове, задать ей сена – все это такие операции, которые для другой девочки составили бы непреодолимые препятствия («На рубеже Азии»).

Дети не только помогали по дому, но маленьких тружеников часто можно было видеть на принсах, на заводах, фабриках, в тяжелой бурлацкой работе, где использовался дешевый детский труд. Читатель с болью в сердце воспринимает строки, рисующие тяжесть ноши, ложившейся на хрупкие и неокрепшие плечи.

Внутри поджог разделялся на два двора: в одном постоянно обжигалась новая руда, а в другом – ее разбивали в щебенку такие же мальчуганы, как Прошка («Кормилец»).

Биография Морзака оказалась несложной. Родился и вырос он в Шайтанском заводе, а подростком уже работал на фабрике в кричной («Не у дел»).

С десяти лет, почитай, на караванах хожу («Бойцы»).

Большое место в рассказах Д. Н. Мамина-Сибиряка отведено изображению того, какую удивительную чуткость и **заботу** проявляют внешне суровые уральцы **по отношению к животным**. ЗАДАВАТЬ КОРМ, ОБРЯЗАТЬ ЛОШАДЕЙ, ДОГЛЯДЕТЬ СКОТИНУ (ЛОШАДЬ, КОРОВУ) и подобные глагольные сочетания дают основание сделать вывод о гуманнейшем отношении к животным как равноправным членам многочисленных семейств. Значительное число страниц повествует читателю о верной дружбе героев Мамина-Сибиряка с четвероногими друзьями. Фортунки, Джойки, Юлки, Нахалы, Кукши, Куренки разных пород и совершенно беспородные собачонки живут в каждом рассказе своей полной жизнью рядом с любимыми персонажами, высвечивая особенности характера героев. Один из персонажей рассказа «Родительская кровь» с гордостью говорит о «напрактикованном» им «цетерке», который помог герою поправить материальное положение.

Собачка у меня была, цетерок, ну, так я его упер еще щенком и денег он мне много нажил. Умный такой издался, напрактиковал я его – люблю глядеть («Родительская кровь»).

«Форменные» песики не раз спасали жизнь и честь владельцев, а те, в свою очередь, не задумываясь, вставали на защиту «братьев меньших». Неказистый, «худенький, сутуловатый» Савка – «жалкий мужичонка в своем широком армяке», не страшась, набросился на самого управителя, «чистокровного, баварского немца», защищая своего надежного друга. Подобные Савки, Елески, Порши появятся позже на страницах произведений Белова, Шукшина, Астафьева, Распутина, Троепольского.

Как свидетельствуют тексты, ни в одной из книг так полно и значительно себя не выразил Д. Н. Мамин-Сибиряк, как в малых жанрах, в особенности в своих «Уральских рассказах».